

Соціальный кризис культуры

В послѣвоенную эпоху много говорят и пишут о кризисѣ культуры. Особенно популярна эта тема в Германіи. Шпенглер был первым обозначившим новую эру размышлений о кризисѣ и даже гибели европейской культуры. Этому вопросу в значительной степени посвящено и творчество Кайзерлинга. Даже во Франціи, странѣ наиболѣе консервативной, хранительницѣ традицій классической, гуманистической культуры, начинают писать о кризисѣ культуры. Тема эта очень обширная, и сейчас я предполагаю говорить лишь об одной ея сторонѣ — о социальном кризисѣ культуры. В чем сущность стоящей перед нами проблемы? Послѣ вторженія в гуманистическую культуру Европы машины и техники, приобрѣтающей все большее и большее господство над жизнью, послѣ всасыванія в культуру огромных человѣческих масс и расширения ея социального базиса, культура начинает перерождаться, и ей грозит опасность страшнаго пониженія ея качества и утери ея благородства. Принцип количественный начинает преобладать над принципом качественным. Созиданіе культуры дѣлается массовым и рассчитанным на массовое потребление. Техническая сторона культуры, наименѣ связанная с традиціей и легче всего усваиваемая людьми лишенными культуры, наиболѣе увлекает и окрашивает стиль эпохи. Этот процесс иногда опредѣляют как переход культуры в цивилизацію. Утонченная гуманистическая культура дѣлается ненужной, кажется старомодной, она хранится лишь в узком и замкнутом кругу и социальна бездѣйствена. В силах ли справиться эта культура с колоссальными массовыми процессами, с количеством, грозящим затопить качество, может ли она конкурировать с могущественной технической цивилизаціей, с рационализацией жизни? Гуманистическая культура, утерявшая свою религіозную основу, избѣденная скептицизмом в своем наиболѣе утонченном слобѣ, хрупка и непрочна, она не в силах выдержать на-

пора масс и количества, она не всенародна и не владѣет душой масс, она не имѣет увлекающей масс символики. При помощи Виргилія и Цицерона невозможно овладѣть массами. Высокая аристократическая культура все еще существует в старой Европѣ. Но круг ея все суживается. Современная европейская элита не связана с движеніем исторіи. Культурное усложненіе и утонченіе приводит к слабости и упадку. Начинается малокровіе. Дух смерти проносится над культурной элитой Европы. А вокруг, во всем мірѣ бушует океан человеческой массы, возставших количеств, вооруженных техникой, орудіем страшной силы. Во Франціи, странѣ наиболѣе старой, совершенной и утонченной культуры, наиболѣе чувствуется это трагическое положеніе культурной элиты. Для культурнаго слоя современной Франціи характерны исканія нео-гуманизма. Назову имя Ramon Fernandez'a. Но эти исканія, совсѣм не обнаруживающія творческой силы, свидѣтельствуют о кризисѣ стараго гуманизма и культуры, на нем основанной. От крайних лѣвых идеологических направленій идет атака против старой гуманистической культуры, и эта атака говорит именно о социальном кризисѣ культуры. В этом отношеніи можно указать на Guéhenno, редактора «Еигоре», и Berg'я. Такая сильная партія, как нѣмецкая социаль-демократія, партія умѣренная, совсѣм не революціонная, по міровоззрѣнію преобладающей своей массы, принимает переход от культуры религіозной и культуры гуманистической к технической цивилизаціи, и с этим связано ея бездушіе. Но наиболѣе воинствующей силой, направленной против гуманистической культуры, является коммунизм. Он хочет выразить новый дух масс и количеств. От прошлаго он принимает только технику и матеріализм, только традицію буржуазнаго просвѣтительскаго рационализма. К стыду нашему, нужно сказать, что русскія народныя массы, освободившіяся для исторической активности, легко усваивают себѣ только техническую цивилизацію Запада, т.-е. уподобляются в этом смыслѣ отсталым народам Азіи, Америки и Австраліи. И это типическое явленіе для масс. Массы могут жить или религіозной культурой или технической цивилизаціей, онѣ не могут жить гуманистической культурой. В этом вся острота со-

временной проблемы. Утонченная и усложненная, но безрелигиозная культура не в силах справиться с поставленной проблемой. Она не в силах остановить движение масс и не может предложить массам духовной пищи. И потому процесс варваризации культуры дѣлается очень вѣроятным.

В культурѣ есть аристократическое и демократическое начала, и сейчас происходит особенно острое их столкновение. Культура аристократична по своему основному принципу, она создается путем подбора качеств во всѣх своих областях. В культурном творествѣ значеніе имѣет только качество. Философ стоит перед истиной и к ней восходит. В процессѣ познания он совсѣм не обращен к массам и количествам. Совершенно так же художник творит, повинаясь зову красоты, покоряясь закону художественнаго совершенства. Он презирает «чернь».

«Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум».

Пушкин гениально остро выразил аристократическій принцип культуры, и именно культуры ренессансной. Культура ренессансная вернулась к аристократическому принципу культуры античной, греко-римской, который был опрокинут христианством. Ей чужда была идея социального служенія сверхличной цѣли, идея порядка религиознаго. Человѣческая масса существует для этого типа культуры только как «чернь».

«Подите прочь — какое дѣло
Поэту мирному до вас?»

Свобода творца высшей культуры аристократична, а не демократична. И есть вѣчная правда в требованіи независимости творца от «черни», от заказов массы. Творить только и можно повинаясь голосу духа, а не голосу общества. Но есть проблема, которая мучила Гоголя и не мучила Пушкина, наиболее ренессанснаго у нас человѣка, — проблема социального и, в концѣ концов, религиознаго служенія сверхличной цѣли. Тогда для творца культуры человѣческая масса совсѣм не есть уже «чернь», от которой он должен быть свободен в своем творествѣ. Он внутренне от нея совсѣм свободен и ни в чем ей

не подчиняется, но он сознает ответственность и долг служения сверхличному цѣлому, в которое входит всякая человѣческая душа. Такое сознание сохраняет аристократически-свободное начало в культурѣ, но существенно иначе понимает аристократизм культуры, чѣм понимала античность или ренессанс, в духѣ пророческаго служения преображенію жизни. Это ведет к іерархическому пониманію культуры. В іерархической структурѣ высшія и низшія ступени связаны и одна служит другой. И в культурѣ религиозной, церковной есть аристократическое начало. Соборность есть качественное, а не количественное начало, качество духа, а не человѣческая масса. Основное противорѣчіе культуры, которое сейчас дѣлается для нея трагичным и ставит ее на край гибели, есть столкновение и противоборство аристократическаго и демократическаго в ней начал. Соціальная демократизація культуры, вступленіе в культуру рабочих масс, больших количеств есть процесс необходимый, котораго никакими силами остановить нельзя. Но масса, которая не организована никакой вѣрой и никакой высшей идеей, есть явленіе страшное, она легко превращается в ту «чернь», которая грозит истребленіем творческой свободы, вульгаризаціей культуры и пониженіем ея качественного уровня, уничтоженіем ея благородства. Демократизація культуры есть принцип справедливый. Но как сдѣлать так, чтобы процесс этот не означал отданія цѣнностей культуры на растерзаніе «черни»? «Чернь» совсѣм не есть трудящіеся классы, рабочіе или крестьяне, «чернь» есть грубая и вульгарная масса, живущая обыкновенными интересами, для которой не существует духовных цѣнностей жизни; существовала чернь дворянская, и существует и господствует чернь буржуазная. Опасность же демократизаціи заключается в том, что в культуру входят слишком большія количества и массы, не одухотворенныя и непросвѣтленныя. Это произошло уже однажды в исторіи, когда произошло паденіе античной культуры. И многіе представители старой гуманистической культуры чувствуют себя так, как чувствовал себя Цельс или Лукіан перед надвигающейся силой христіанства.

Основное противорѣчіе культуры выражается в конфликтѣ не только аристократическаго и демократическаго начала,

но, еще глубже, в конфликтъ начала личного и общественного. Высшее цвѣтеніе культуры есть продукт личного творчества. Личное начало в культурѣ и есть начало аристократическое. Творческіе источники культуры лежат в личности. Но культура есть объективация челоѳческаго творчества в социальном мѣрѣ, культура есть социальная кристаллизация. И эта социальность культуры имѣет обратное дѣйствіе на личность и ея творчество. Социальность культуры может быть питательной средой личного творчества, но может быть и страшным стѣсненіем и искаженіем. Социальная обыденность оказывает давленіе на творческую личность, требует служенія своим интересам, понижает ея качество. Личность живет в обществѣ и призвана к социальному служенію. Но существует вѣковѣчный конфликт между личностью и обществом, который может принимать разнообразныя формы. Личность должна в обществѣ осуществлять свою творческую свободу, но общественная среда оказывается сопротивленіем для свободы, затрудненіем. И в этом сопротивленіи свобода, повидимому, всегда нуждается, свобода проявляет энергію в преодолѣніи сопротивленія. Свобода требует усилія, упражненія, совершенно невозможно представить свободу безтрагичной, как того хотѣл бы рационалистическій либерализм. В эпоху демократизации культуры конфликт личности и общества пріобрѣтает особенную остроту. Может ли безрелигіозная гуманистическая культура сопротивляться нахлынувшему количеству, диктатурѣ общества, процессам вульгаризации и варваризации? Побѣждает механизация, технизация, обезличивающая коллективизация. И это происходит не только в коммунистической Россіи, это происходит в капиталистической Европѣ и Америкѣ, это явленіе мировое. Гуманистическая культура может только сжиматься и уединяться, на социальную борьбу она неспособна, как неспособна была латинская культура эпохи декаданса. Единственный паѳос, который остается для ея людей, есть *amor fati*. Об этом любит говорить Шпенглер. Печаль есть удѣл культуры, которая знает душевное, но не знает уже или не знает еще духовнаго. Печаль всегда обращена назад, а не вперед. Мы живем в суровую эпоху техники с одной стороны и духа с другой, душевно-расти-

тельная сторона жизни отодвигается на задний план, вытѣсняется. Душа не может больше сопротивляться, сопротивляться может только дух. Никогда гуманистической культурѣ не преодолѣть конфликта личного и общественного, аристократического и демократического начала в культурѣ. Никогда культурной элитѣ, утерявшей идею служенія сверхличной цѣли, не справиться с требованиями социальнаго утилитаризма, который есть извращеніе идеи социальнаго служенія. Культурѣ аристократической грозит гибель, она тонка, но не глубока. Спасти тѣ цѣнности, которыя были в ней заложены, освободить их от той лжи, с которой она была связана, может только возрастаніе духовной жизни в мірѣ, духовное пробужденіе и движеніе в человѣческих массах. Демократизація культуры без духовнаго возрожденія рабочих масс есть очень страшная и грозная вещь, срыв в бездну. Хаос двинувшихся количеств, которых остановить нельзя и было бы несправедливо, организовать можно или религиозно, духовно, или технически, механически, его нельзя организовать гуманистической культурой, пригодной лишь для небольших количеств. Для сохраненія подлинных цѣнностей культуры остается только путь соединенія технической цивилизаціи с духом, соподчиненія ея духовным цѣлям жизни.

Спасти вѣчное аристократическое и личное начало в культурѣ и примирить его с началом демократическим и социальным может только христіанство, ибо христіанство и аристократично и демократично, лично и социальное. Христіанство благороднаго, аристократическаго происхожденія, оно зовет вверх и раскрывает благородство дѣтей Божіих. И вмѣстѣ с тѣм оно всенародно и всемірно, обращено ко всѣм людям и ко всякой душѣ. Христіанство глубоко лично и сверхлично. Только религиозная христіанская культура может бороться с тѣми опасностями, которыя несет с собой вторженіе огромных количеств, механизация жизни, цивилизованное варварство. Говорю, конечно, об очищенной христіанской культурѣ, которая не может уже подозрѣваться в связи с господствующими классами и капиталистическими интересами. Поэтому социальный кризис культуры тѣсно связан с религиозным кризисом человечества, он есть обратная сторона кризиса внутри христіанства. Он означает, что

будущее человечества связано с раскрытием болѣе напряженной и очищенной духовности. Духовное же начало присуще всякому челѣвѣку, как образу и подобию Божиему. Наболѣе обостряется социальный кризис культуры в идеѣ культуры пролетарской, противопоставляемой культурѣ буржуазной. Буржуазной культурой оказывается культура гуманистическая, связанная с привилегированными культурными слоями, имѣвшими досуг, свободными от тяжелого труда, знавшими древніе языки и культуру античную. Замысел пролетарской культуры основан на радикальном переворотѣ цѣнностей. Это будет культура реалистическая, прагматическая, индустриализованная и техническая, исключительно приспособленная к разным формам промышленного труда, цѣлком подчиненная экономикѣ. В основаніи ея будут лежать знанія естественно-научныя и техническія, а не гуманитарныя, не философскія, не литературныя. Цѣнности экономическія и техническія будут признаны не только высшими, но и единственно реальными. Такого типа культура движется паѣосом власти челѣвѣка, социального челѣвѣка над природой, паѣосом силы. Жизнь превращается в огромный и организованный производственный процесс, в промышленную мастерскую, которую должно украшать искусство и обслуживать знаніе. Окончательно умирает созерцаніе, мистическое, философское, эстетическое. Но это и означает окончательный переход от культуры к технической цивилизаціи. Пролетарская техническая цивилизація легко может опрокинуть гуманистическую и идеалистическую культуру. Но ей придется вести гораздо болѣе трудную и длительную борьбу с религіозными вѣрованіями человечества. Тут она встрѣтит безмѣрно большую силу сопротивленія. И все рѣшится в этой точкѣ встрѣчи. Есть положительная правда в том, что культура должна стать болѣе реалистической, болѣе связанной с жизнью и с возрастаніем челѣвѣческой мощи, болѣе проникнутой идеей социального служенія, болѣе сознающей свою неудачу в прошлом в переустройствѣ и преобразеніи самой жизни. Но переустройство, улучшение, преобразование самой жизни не может быть только техническим и экономическим, это переустройство, улучшение и преобразование, неизбѣжно и в безмѣрно большей

степени, есть также духовное дѣло, «общее дѣло» в смыслѣ близком Н. Ф. Федорову.

Для спасенія культуры необходимо преодоленіе разрыва между теоріей и практикой, между культурным слоем и рабочими массами. Это преодоленіе возможно только на почвѣ христіанской, оно и есть спасеніе духовной культуры в ея вѣчных началах. Иначе тѣло будет окончательно оторвано от души, душа окончательно оторвана от духа. Но это и означает наступленіе смерти. Дух не может существовать в отрывѣ от души и тѣла, как тѣло не может существовать в отрывѣ от души и духа. Рабочая техническая цивилизація и может оказаться обездушенным тѣлом, мертвым, хотя и хорошо организованным механизмом. Но старая гуманистическая, идеалистическая и спиритуалистическая культура все болѣе и болѣе оказывается развоплощенной, оторванной от матеріальнаго міра душой и совершенно безсильной над матеріальным міром. Поэтому стоит великая задача синтеза. Синтезирующим же началом может быть только дух, не отвлеченный дух, отвернувшийся от міра, а дух конкретный, активный в мірѣ и мір преобразующій. Духовная культура и ея дѣятели проходят сейчас еще через страшный экономическій кризис. Культурная дѣятельность в ея высших проявленіях не может найти сейчас для себя экономического базиса и экономических орудій, она представляется ненужной роскошью. Но это и означает ея развоплощеніе, ея выталкиваніе из матеріальнаго и соціального міра в сферу внутренней, непроявленной духовности. Пролетарская техническая цивилизація грозит окончательно лишитъ духовную культуру экономического базиса и превратить ея дѣятелей в лишенцев. Этот экономическій кризис культуры, грозящій ея гибелью, есть порожденіе разрыва между душой и тѣлом культуры, смертельнаго разъединенія духовнаго и матеріальнаго начала. Борьба против смерти культуры есть борьба за духовную цѣлостность, за синтезирующую активность духа в мірѣ. Такая борьба доступна только христіанской духовности, ибо она требует не только восхожденія челоуѣка в мір горній, но и нисхожденія его в мір дольний для его преображенія.

Николай Бердяев.